

ЕКАТЕРИНА КАБЛУКОВА

Школа верховой езды

ОСЕДЛАТЬ МЕЧТУ

Школа верховой езды

Екатерина Каблукова

Оседлать мечту

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Каблукова Е.

Оседлать мечту / Е. Каблукова — «Издательство АСТ»,
2024 — (Школа верховой езды)

ISBN 978-5-17-161629-8

Чего хочет любой подросток, которому недавно исполнилось тринадцать лет? Получить в подарок новый гаджет последней модели? Стать известным блогером? Или создать уникальную компьютерную игру? Я же была готова на все, чтобы наконец перестать ходить в музыкальную школу, а еще – стать известной спортсменкой. И когда в Санкт-Петербурге открыли конную школу «Оседлать мечту», я поняла, что это – мой шанс и меня ничто не остановит!

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-161629-8

© Каблукова Е., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Екатерина Каблукова

Оседлать мечту

© Екатерина Каблукова, 2024

© Гайворонская А., иллюстрация

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

– На *старт* приглашается...

Я сидела на трибунах и глотала слезы. Вокруг меня шумели немногочисленные зрители: родители спортсменов, их друзья или просто те, кто занимался в одном клубе. А я просто сидела, мрачно смотря на боевое поле – именно так называется манеж для соревнований.

Финальный тур отборочных соревнований всегда самый зрелищный, именно по его результатам и формируется городская сборная. Всадники один за другим выезжали на бело-снежный песок, выполняли программу езды и уходили, а я просто смотрела, хотя должна была быть среди них. Я была одной из главных претенденток и вполне могла бы побороться за медаль, если бы за неделю до стартов у меня не отобрали лошадь.

Я всхлипнула. Предатели, какие же все предатели! И тренер, и мой Василек, который под другим всадником исполнял все то, что мы разучивали на тренировках: переходы, остановки, подъемы в галоп... Под Риткой.

– Ты же понимаешь, Маргарите эти соревнования нужнее, – пряча от меня взгляд, оправдывалась Анастасия Леонидовна, наш начальник конной части, а попросту начкон.

– Неужели? – фыркнула я. – Она ведь прошлый этап еле проехала.

Мой тренер Яна, стоящая за ее спиной, только сокрушенно покачала головой.

– У нее же конь захромал, и вот...

– А обо мне вы подумали? – выкрикнула я. – Я столько сил потратила на эту лошадь!

– Ольга, ты же понимаешь, что Василек не твой, а клубный, – строго оборвала меня Мария Петровна. – И у тебя все равно не хватит денег на сборы и соревнования. Так что давай без истерик.

Возражать не стала, прекрасно понимая, что бесполезно. Анастасия Леонидовна была права: конный спорт – удовольствие не из дешевых, и вряд ли мои родители могли бы потянуть все это.

А вот Рита, из-за которой я осталась без лошади, была дочерью мэра нашего города. И прекрасно знала, что за деньги могут сделать многое. Тренировки моя соперница, а теперь и врагиня, посещала нерегулярно, лошадь, купленную за границей, ей всегда чистили и сделали. Все это было возможно, поскольку мэр щедро платил за то, чтобы дочь могла блеснуть в белых бриджах, темно-сиреновом рединготе, шлеме с узорами из страза и белоснежных перчатках.

Перчаткам я завидовала больше всего: удобные, легкие, они прекрасно садились по руке, а тыльная сторона липучки тоже была усыпана стразами, которые так и переливались на солнце. Я мечтала, что однажды куплю точно такие же и буду выступать в них.

О собственном шлеме и рединготе я даже не мечтала. У меня вообще ничего не было, кроме трикотажных лосин, жилета и огромного желания заниматься верховой ездой. Я приходила в клуб почти ежедневно, помогала чистить, седлать, убирать денники – помещения, где стоят лошади. А еще я старалась подсмотреть тренировки, вызывалась погонять лошадей на корде – специальной веревке, позволяющей контролировать лошадь без всадника на спине.

Как я радовалась, когда наконец мне дали лошадь для подготовки к соревнованиям, хотя от Василька на тот момент отказались все. Приехавший за компанию с Риткиным, этот конь был очень зажатым, а стоило немного потянуть за повод, мгновенно срывался в галоп.

Мне стоило большого труда завоевать его доверие и объяснить, что так делать не стоит. Я даже несколько раз падала, старательно скрывая от мамы синяки, но результат того стоил. Я почти не сомневалась, что мы с Васильком сможем выиграть. Когда нас увидела Рита и сказала папе, что хочет выступать именно на этом коне. Возразить никто не посмел – так я осталась без лошади и соревнований.

– Ты можешь проехать на ком-нибудь другом, сложно что ли? – Пыталась на следующий день в школе приободрить меня подруга Лика, когда я на перемене рассказала ей о том, как со мной поступили. До соревнований оставалось шесть дней, и Лика хотела узнать, когда езды, чтобы поддержать меня.

– Лик, это не вариант, – покачала головой я. – Я на Васильке год езжу и только стало получаться, а тут новая лошадь, да и все хорошие уже разобраны. Ехать ради того, чтобы ехать, не стоит – финал все-таки.

– Да, попадалово, – вздохнула подруга. – Вот чего она к твоей лошади прицепилась?

– Потому что ее собственная хромает. Ездит же через пень-колоду, – мрачно отозвалась я. – Неделю не занимается, потом сразу по два часа гоняет... а берейтора нанимать не хочет.

– Кого?

– Ну того, кто каждый день лошадь работать будет.

– Работать? Это как?

– Выезжать в смысле. Лошадь же не сама по себе всадника везет. Это, вообще-то, кропотливый труд, – я повторила слова, которые говорила мой тренер.

Лика покивала, но я была уверена, что она сразу же забудет обо всем, что я сказала, – так всегда случалось. Подруга хотела быть блогером, и ничего другое, кроме видеороликов, ее не интересовало.

– Ну вот Ритка так не думает, – продолжила я. – Считает, что она звезда и сама все может. Результат налицо. Уже пятую лошадь меняет. Они у нее все встают.

– Куда встают?

– В очередь за хлебом! – фыркнула я и потом объяснила. – Понимаешь, лошадь должна бежать свободно, если этого не происходит, и лошадь не хочет двигаться, это означает, что она встала. Очень сложно потом вывести ее из этого состояния. Василек такой же был, когда мы начинали.

Я вспомнила апатичного коня, к которому меня подвели год назад со словами «Ну, может, получится...» Он семенял и зажимал спину так, что сидеть было едва возможно. Мне понадобилось очень много времени, чтобы расслабить его. Хорошо, что у нас в клубе проводились семинары с главным тренером городской сборной и мне удалось на них попасть. Сейчас, благодаря почти ежедневным занятиям, у Василька горели глаза, и он бежал очень легко, точно плыл по песку. Вспомнив это, я помрачнела:

– А теперь она и Василька угробит...

– Да уж... попадалово, – вздохнула подруга и сразу же оживилась. – Слушай, у меня идея! Пусть ее Василек подставит!

– Что? – не поняла я. – Как ты себе это представляешь?

– Ну ты же сама говоришь, он тебя беспрекословно слушает! Вот и подговори его!

Я только вздохнула в ответ. Лика была моей лучшей подругой, но при этом ее вера в чудеса меня просто бесила. Сейчас, судя по ее словам, она явно начиталась книг про приключения черного красавца – вороного коня, которому в девятнадцатом веке волею судеб пришлось испытать на себе все тяготы лошадиной жизни. Или просто насмотрелась американских фильмов про лошадей и подростков. На меня эти фильмы нагоняли тоску.

Лошади, конечно, умные животные, но вряд ли у меня получится объяснить Васильку, что надо сбросить Риту, причем сделать это именно перед судьями. Да и какая участь ждет потом коня? В лучшем случае его начнут наказывать, в худшем... О худшем думать не хотелось, хотя я прекрасно знала, сколько лошадей каждый год попадает на бойню и как многие «группы поддержки» зарабатывают деньги, якобы вызволяя оттуда «несчастливых животных, которых предали». Правда, цены в этих группах были завышены в два, а то и в три раза.

– Нет, Лик, – я помотала головой. – Это так не работает. Василек выполняет все, потому что я сижу на нем и управляю. К тому же он знает схему, поэтому Ритка в любом случае на нем проедет.

– Да? Ну ладно, – подруга отмахнулась, не желая выслушивать мои лекции о верховой езде. – Но было бы круто, если бы она обломалась. Может ей подпругу подрезать?

– Лика! – возмутилась я. – Это неспортивно! И вообще, ты знаешь, что такое подпруга?

– Что-то, связанное с седлом? – беспечно откликнулась она и добавила. – Жаль, что нельзя. Вот классно было бы, если бы Ритка посреди выступления грохнулась!

С этим я была полностью согласна, но сказать ничего не успела. Наш разговор прервал звонок, и нам пришлось идти в класс. Уроки литературы я не любила: там были сочинения, которые надо было писать строго по образцу и заученными фразами. Мое мнение о произведении никого не интересовало.

– Я придумала, – зашептала Лика, когда мы расселись по местам, а учительница отвернулась к доске, записывая тему. – Надо запереть Ритку в туалете, чтобы она пропустила свой выход.

– У нее коноводы и тренер, – таким же шепотом отозвалась я. – Мигом откроют.

– Быстрова! – в этот момент учительница повернулась. – Ты что там шипишь? К доске. Я вздохнула и поплелась отвечать стихотворение, за которое получила четверку, поскольку читала без выражения.

Литература была последней, после нее Лика умчалась на какие-то курсы видеоблогеров, открытые в нашем доме творчества. Я проводила ее завистливым взглядом – везет же! Маме Лики было абсолютно все равно, чем занимается ее дочь, лишь бы она хорошо училась.

Сама я торопиться домой после школы не стала – там меня ждало ненавистное фортепиано. Черный инструмент стоял в гостиной и недобро поблескивал лакированными боками.

Фортепиано, как и учеба в музыкальной школе, было требованием моей мамы. Всю жизнь грезившая о музыке, она так и не смогла выучиться, и теперь отрывалась на мне, заставляя ежедневно играть гаммы.

Схалявить никогда не получалось – меня не выпускали из дома, пока я не исполню все правильно. «Пианино всегда тебя прокормит, а вот лошадь тебе самой кормить придется» – часто говорила мама.

Но я все равно играла посредственно. Особенно после того, как впервые села на лошадь и поняла, что это то, чем я действительно хочу заниматься всю свою жизнь.

В отличие от музыки, в конном спорте мне нравилось все: запах конюшни, мерное хрумканье сена. Меня не пугали ни погода, ни падения, которые иногда случались, – как же без них? В карманах у меня всегда лежали сушки, а в интернете я первым делом смотрела выступление великих спортсменов и мечтала, что однажды так же буду выступать на международном уровне и защищать честь своей страны. Я даже слова гимна выучила, чтобы не опозориться, когда взойду на пьедестал почета... Поэтому мне было проще быстро отыграть все упражнения, после чего я громко хлопала крышкой фортепиано и бежала на конюшню, где меня ждал мой Василек... И вот все мечты – коню под хвост.

Даже если я и выступлю на другой лошади, то вряд ли смогу показать хороший результат, тем более в финальных ездах. Мне бы просто не зачли общий результат, а у нас с мамой договор: если я участвую в соревнованиях, но не попадаю в призеры, я прекращаю заниматься конным спортом и сосредотачиваюсь на музыкальной школе. Жить без лошадей я не хотела. Поэтому сидела на трибуне, размазывая по лицу злые слезы.

– Технические результаты предыдущего всадника... – потрескивая, проверещал динамик, – шестьдесят три и пять десятых процента. На старт приглашается...

Телефон в кармане тренькнул. Я достала его и взглянула на экран. Сообщение было от отца. Он давно уехал из нашего малоперспективного городка и теперь работал в крупной

фирме в Санкт-Петербурге. Несколько лет он звал нас переехать к нему, но у мамы всегда находились отговорки. То я была слишком маленькой, и сырой климат мог пагубно отразиться на моем здоровье, то бабушка заболела, и ей нужен был уход, то у меня начался подростковый период, и маме, которая работала целый день, не хотелось оставлять меня одну в незнакомом большом городе.

Я подозревала, что мама просто не хотела уезжать, боясь перемен. Хотя она сама утверждала, что остается только из-за меня, поскольку школьные экзамены лучше сдавать в регионе. Как по мне, так до экзаменов было, как до луны, но в Петербурге не было Василька, поэтому я не возражала. Да и в последний год папа как-то перестал приезжать.

Я открыла сообщение:

«Привет, дочь! Как успехи?»

«Все плохо», – не сдержалась я.

«Проиграла?»

В отличие от мамы, папа всегда интересовался моими результатами в конном спорте и безропотно пересылал мне на банковскую карточку стартовые взносы. Мама даже несколько раз ругалась с ним из-за этого, но папа был непреклонен.

«Оле это нравится. И точка!» – заявлял он маме. Она поджимала губы, но сделать ничего не могла.

«Хуже – не поехала на старты», – написала я, ожидая сочувствия. И на всякий случай поставила три рыдающих смайлика.

«Почему?»

«У меня отобрали лошадь».

«В смысле? Украли?»

«Нет. Решили, что на Васильке поедет другой всадник».

«А что так?»

«Дочь мэра».

«Ясно. Ну ничего, в следующий раз!»

Подмигивающий смайлик должен был дать мне понять, что папа разделяет мои чувства и хочет приободрить. Про соглашение с мамой папа не знал. Я не рассказывала, потому что он жил далеко и все равно ничего бы не смог сделать, разве что поссориться с мамой еще больше.

Засунув телефон в карман, я снова посмотрела на боевое поле. Ритка сидела как каменная, вцепившись в повод так, что голова лошади оказалась притянутой к шее. Дурацкая и наиболее распространенная имитация сбора – особого состояния лошади, при котором она готова незамедлительно выполнить любую команду всадника. К этому состоянию идут годами, и одними руками всадника, как пыталась Ритка, это не сделать.

– Перспективная девочка... – раздалось за моей спиной. – Хоть и жестковата.

Василек как раз остановился, заканчивая езду. Рита отвела руку, приветствуя судей согласно правилам (всадник всегда приветствует судей дважды: когда выезжает на боевое поле и после завершения езды), потом довольно улыбнулась и, с силой хлопнув коня по шее так, что он вздрогнул, направилась к выходу. Я скрежетала зубами: Василек не заслужил такого обращения, но что можно было сделать?

– Скорее лошадь перспективная, а девочка вот не очень, – знакомый голос заставил меня вздрогнуть.

Я обернулась и поняла, что у меня за спиной сидела тренер городской сборной Илецкая Ирина Афанасьевна. Сухая, поджарая, с абсолютно ровной спиной и темно-русыми с проседью волосами, собранными в неизменный хвост, она внимательно следила за выступлением на манеже.

– Ирина Афанасьевна, вас послушать, так в сборную, кроме коней, и брать некого, – пошутила сидящая рядом женщина. Ее я видела впервые. Наверное, кто-то из федерации кон-

ного спорта – организации, регламентирующей все спортивные соревнования. Обе как раз отмечали что-то в блокнотах, когда я повернулась.

– Ну что, берем?

– Деваться все равно некуда – там отец просил. Лично.

– Ирина Афанасьевна, возьмите и меня! – вдруг выпалила я. – Хотите, папа попросит? Последняя фраза, конечно, была глупостью, но вдруг сработает.

Тренер сборной оторвалась от записей. От ее строгого взгляда желудок скрутило, а сердце ухнуло куда-то вниз. Вот зачем я вообще подала голос? Надо было просто уйти по-тихому, и все. Ирина Афанасьевна нахмурилась, вспоминая, кто вообще перед ней. Как и все конники, она с трудом узнавала человека, если он в обычной одежде и без лошади.

– Быстрова? Ольга? А ты чего на трибунах? И это же твоя лошадь сейчас была?

– Да так, – я махнула рукой, понимая, что жаловаться неспортивно, не на что, и вообще...

Ирина Афанасьевна вздохнула:

– Понятно. Родители денег на старт не дали.

– Ага, – я опустила голову. Признаваться в том, что денег нет, было очень стыдно.

– Вот и пример, – вздохнула Ирина Афанасьевна. – Олю бы в сборную.

– Так и возьмите! – вскинулась я. – Вам же несложно!

– Оль, – тренер на секунду отложила планшет. – Ну даже если я тебя в список внесу...

Лошадь где брать? Уровень у тебя не тот, чтобы на чужих выступать. А в спортшколу добор на вакантные места ты пропустила.

– Ясно, – не буду же я рассказывать, что мама просто отказалась везти меня туда, а вместо этого купила билеты в театр, как она сказала «окультуриваться». – Ладно, простите, мне пора.

В носу противно защипало. Я заморгала, пытаюсь скрыть предательские слезы. Ирина Афанасьевна вздохнула.

– Оль, я все понимаю, – быстро проговорила она. – Даже знаю, что ты эту лошадь готовила, но ничего не могу поделать.

Я кивнула и направилась к выходу, но она еще раз меня окликнула:

– Быстрова! Оля! Подожди!

– Что? – я обернулась.

– Держи, может пригодиться! – мне протянули рекламную брошюрку, на обложке которой было написано «Оседлай мечту!». – В Петербурге сейчас проект стартовал, они под грант президента будут отбирать талантливых всадников со всей страны. Конкурс, конечно, огромный, но ты девочка со способностями. К тому же у тебя отец там, верно?

– Ага, только мама переезжать не хочет, – пробурчала я.

– Все равно там надо в спортинтернате жить, там тренировки утром и вечером и программа школьная. Впрочем, ты девочка трудолюбивая, справишься.

– А как же?..

Договорить я не успела, тренера окликнули с трибун:

– Ирина Афанасьевна, юношей поехали. Смотреть будете?

– Конечно, а то вы без меня наформируете сборную! – усмехнулась она. – Ну что, Быстрова, удачи!

Ирина Афанасьевна вложила мне в руку цветной буклет и вернулась на свое место.

Я проводила ее взглядом и посмотрела на буклет. Обложка была очень красивой и яркой: белоснежная (вернее, серая) лошадь на фоне двухэтажного красного с белыми зубцами замка. Академия «Оседлать мечту!» – значилось на обложке.

Поколебавшись, я открыла брошюру. Несколько небольших фотографий все с тем же красно-белым замком и текст между ними. Я начала читать.

«Конная школа «Оседлать мечту!» – принципиально новое учебное заведение для юных спортсменок, которые желают связать свою судьбу с конным спортом. За основу учредителями

школы были взяты принципы кавалерийских курсов Джеймса Филлиса – одного из величайших всадников, чьи методы работы используются до сих пор», – гласила первая фраза. Далее следовало описание самой школы, расположенной «в живописном уголке, неподалеку от парадной резиденции русских императоров». Здание было построено в середине девятнадцатого века архитектором Бенуа и являлось памятником федерального значения.

Большая конюшня, несколько манежей, учебный и жилой корпуса – на глянцевых снимках все выглядело просто как мечта.

Описание общеобразовательных учебных программ и список педагогического состава со званиями, категориями и фотографиями я пролистнула, остановившись на заголовке «Общезнание».

«В связи с особенностями программы все ученики проживают на территории школы в комнатах, рассчитанных на двоих», – прочитала я и вздохнула, представив, как было бы здорово жить одной, без мамы, вечно говорящей, что делать, и без ненавистного пианино.

– Ну можно не стоять на проходе? – какая-то недовольная женщина прошла мимо. – Что за манеры!

Опомнившись, что все еще стою у ступеней лестницы, ведущей на трибуны, я захлопнула брошюру и положила в карман куртки. Размечталась, Быстрова! Питер, интернат при конной школе... Для начала надо вообще туда поступить. Что там Ирина Афанасьевна сказала? Ищут талантливых юных всадников со всей страны? Вряд ли я смогу вообще поступить туда.

Да и как я могу бросить Василька? Хотя сегодня на нем ехала Ритка, но ведь это же мой конь, он мне верит... Пусть даже по документам и числится клубным. Спohватившись, что не похвалила своего любимца, я направилась к конюшне.

Там царил суета: кто-то седлал лошадь, кто-то, наоборот, расседлывал, еще двое убирали в деннике, а в углу тренер отчитывала мальчишку. Я сразу же узнала Вовку и посочувствовала: он тренировался у матери, и к нему всегда предъявляли повышенные требования.

– Как можно было забыть схему? – спрашивала его мама.

– Я перепутал обычную с финалом.

– Молодец, что сказать!

Не желая его смущать, я сделала вид, что не узнала их, и направилась дальше.

– Оляка, привет! А ты чего не ехала? – окликнула меня Люся. Она была старше на три года и работала коноводом на соревнованиях у мастера спорта – распространенная практика для тех, кто хотел добиться успехов.

– Да так, – махнула я рукой.

– Ну понятно, видела я Риту на Васильке...

– Ага.

– Что ж, и такое бывает, – Люся бросила взгляд на часы. – Ладно, бывай, мне пора!

Я махнула ей вслед рукой и прошла дальше. Денник Василька оказался в самом конце. Рита, все еще одетая в форму для выступлений, позировала перед друзьями, записывающими на телефон очередной блог, а конь понуро стоял в деннике, все еще не расседланный. Пытаясь снять мышечное напряжение, он низко опустил голову. Охнув, я направилась к нему, но Рита меня заметила:

– Быстрова, подожди!

– Чего тебе? – я нехотя остановилась. Риту я не любила, считая ее выскочкой. Впрочем, она такой и была, прекрасно понимая, что вряд ли кто-то посмеет ей возразить.

– Да так. – Она подошла ближе. – Хотела спросить: понравилось, как я ехала?

– Нет, – буркнула я.

– А судьям понравилось. Даже в сборную пригласили. Вместе с Васильком. Папа сказал, что выкупит его. Так что теперь он частный, и подходить к нему тебе нельзя! – Она ослепительно улыбнулась и отошла к друзьям.

Сквозь шум в ушах я слышала обрывочные фразы: «Да так, нищербродка одна... Навоз у нас гребет и все к моим лошадям клеится... Конечно, своя вряд ли когда-то будет. Правда, я здорово ехала?»

– Ты ехала отвратительно! И проехала только потому, что лошадь подготовила я! – Я и не поняла, что произнесла это вслух. – Дура набитая!

Вокруг сразу стало тихо. Ритка медленно багровела, а ее друзья замерли, смотря на меня с изумлением. Чувствуя, что вот-вот разревусь, я крутанулась на месте и вылетела из конюшни, едва не сбив Марию Петровну.

– Быстрова? Ты что здесь делаешь? – нахмурилась она.

– Ничего! – выкрикнула я. – Уже ничего! Хотите продавать Василька – да продавайте, не больно нужно!

Всхлипнув, я устремилась прочь. Кажется, Мария Петровна что-то крикнула вслед, но я не стала останавливаться. Слезы так и текли по щекам, а дыхание сбивалось из-за рыданий. Всю дорогу я проплакала в автобусе. Благо, он оказался почти пустой, и никто не лез с глупыми вопросами «Деточка, что с тобой случилось?». Только кондуктор, проверяя проездной, с сочувствием поинтересовалась, не проиграла ли я соревнования. Я кивнула, она потрепала меня по плечу и отправилась дальше по салону.

Дома тоже никого не было. Мама предупредила, что уйдет в гости к подруге. Прорывавшись, я умылась и пошла повесить брошенную впопыхах куртку. В кармане зашелестело, и я запоздало вспомнила о брошюре, выданной мне Ириной Афанасьевной. Если мама найдет...

Я вытащила из кармана смятый буклет и повертела в руках, а потом ради любопытства навела камеру телефона на qr-код, отпечатанный на последней странице, и нажала на ссылку. На экране показалась эмблема академии – золотая подкова, внутри которой был четырехлистный клевер. Она сразу же пропала, зато открылась анкета.

Я достаточно быстро ее заполнила, загрузив также несколько видео со своих тренировок и стартов. Благо, мы в конном клубе часто снимали друг друга во время тренировок, да и Лика как-то приехала ко мне на соревнования. Правда, потом жаловалась, что более скучного зрелища она еще не видела.

Руки дрожали, и нажать «отправить» удалось только с третьей попытки. «Ждите результатов», – высветилось мне. Я выключила телефон и отправилась в комнату.

Уборка, уроки... Хорошо, хоть в воскресенье музыкалки не было. За всем этим я уже и забыла про анкету, когда на телефоне мелькнул значок почты. Открыв приложение, я с недоверием уставилась на письмо, в теме которого значилось «Академия «Оседлать мечту». Это было приглашение на экзамен.

Все еще не веря, я три раза перечитала письмо, вздохнула и набрала сообщение: «Пап, я хочу приехать к тебе в Питер!».

Глава 2

– Я не понимаю, откуда вдруг такая тяга к культуре, – начала мама за вечерним чаем. Это был обязательный ритуал, каждый день. Ужин и чай. Отказаться или пропустить было невозможно, потом – гаммы под строгим надзором, потом – сон.

Я пробовала объяснить, что в десять вечера никто не ложится, но мне всегда заявляли: «Все дела можно и нужно делать днем!» Благо после того, как я ложилась, мама уходила к себе и засыпала очень быстро, а я долго еще слушала музыку в наушниках или переписывалась с друзьями.

– Там здания красивые, – отозвалась я, уныло мешая ложечкой чай и слушая мамины придирки.

– Ты же никогда не интересовалась архитектурой.

– Теперь заинтересовалась.

– С чего вдруг?

– Ну... – протянула я, судорожно придумывая ответ. – Ты сама говорила, что надо интересоваться еще чем-то, кроме лошадей. Культурой, искусством... А в Питере...

– Что за манера употреблять жаргонные слова? – перебила меня мама.

– Его все так называют.

– Оль, ты – не все.

– Ладно, так вот, в Петербурге что ни здание, то шедевр! У нас девчонки из класса ездили, сказали, что очень красиво. Мам, там еще крутой парк аттракционов есть...

Мама полоснула по мне взглядом, и я прикусила язык.

– Никаких аттракционов! Ты можешь упасть и сломать руку! – строго произнесла она. – Как ты тогда будешь играть на пианино?

Это было последней каплей за сегодняшний день.

– Никак, – я со злостью отодвинула чашку так, что чай перелился через край. – Как меня достало это пианино! То не делай, это не делай, только играй, а теперь вот даже в Питер из-за него не поеду!

Всклипнув, я метнулась к себе в комнату, громко хлопнув дверью. Злость и отчаяние душили меня. Я так и останусь в этом городке со своим инструментом, в то время как Ритка будет ездить на Васильке и получать награды, потому что именно я выездила коня. Пусть хотя бы до уровня детских езд, но ведь это тоже немало. При воспоминании о Васильке стало еще тоскливее. Ритка наверняка угробит его. Кому он потом хромой нужен будет?

От жалости и к коню, и к самой себе в горле встал комок.

– Оля... – Мама вошла в комнату и присела рядом на кровать. – Ну ты пойми: поездка – это деньги. Билеты, проживание...

– Я у папы буду жить!

– Папа комнату снимает. С другом. Ты там лишняя будешь. Да и его целый день дома нет.

– И что? А деньги мне на день рождения подарили!

– Их надо разумно использовать. У тебя в музыкальной школе второй инструмент с этого года начнется, его же тоже покупать надо.

При мысли о том, что играть придется в два раза больше, я скрипнула зубами:

– Мама, я ненавижу музыку и играть не буду!

– Оля!

– Нет! И выйди из моей комнаты! И вообще, я завтра сама куплю билет и уеду к папе!

Мама вздохнула и встала:

– Оля, я тебе не говорила, но мы с твоим отцом год назад развелись. – Она устало посмотрела на меня. В ее глазах была боль.

- Что? – Мне словно что-то тяжелое упало на голову и придавило к земле. – Р-развелись?
- Да, мы решили, что так будет лучше.

Плакать расхотелось, меня просто распирало от злости: на маму, которая ничего не сказала, на папу, который, оказывается, предал меня. А ведь постоянно звонил, интересовался, как дела у меня, у мамы. Зачем? Показать, какой он добрый? Мама все еще ожидала, что я скажу хоть что-то.

- Лучше для кого? – процедила я.

– Для всех. – Это прозвучало так, словно она готовилась к разговору. – У нас с твоим папой давно разная жизнь: он там, я здесь...

– Интересно, кто в этом виноват? – фыркнула я. – Папа несколько раз предлагал переехать! Но ты же отказалась!

- Переехать? Куда?

- В Питер. К папе.

- И что бы мы там делали? – взорвалась мама. – Здесь у меня работа, друзья, а там?

– Зато там консерватория! – Я наигранно возвела глаза к потолку. – Глядишь, я бы поступила туда и стала известной пианисткой! А так ты просто лишила меня музыкального будущего!

- Оля! Не смей разговаривать со мной в таком тоне!

- А в каком? Ты мне всю жизнь испортила! – выкрикнула я.

С минуту мы с мамой смотрели друг на друга, потом она повернулась и вышла, громко хлопнув дверью. Я села на кровать и все-таки разревелась.

Глава 3

С мамой мы не разговаривали два дня. Папа тоже звонил, но я не стала отвечать. Написала только, что он лжец и предатель и что я не хочу больше с ним общаться. Перезванивать он не стал.

В конный клуб я тоже не ходила. Зачем? Видеть, как Василек понуро стоит в деннике или, что еще хуже, как на нем ездит Ритка, выпендриваясь перед друзьями, я не хотела.

В музыкалке я тоже не появлялась. На следующий день после ссоры с мамой я подошла к дверям, и... набравшись смелости, повернула обратно.

– Быстрова, ты чего? – окликнула меня Настя из хора. В отличие от меня, в музыкалку она ходила с удовольствием. Их хор постоянно ездил на конкурсы и занимал места. Я даже в одно время хотела перейти на хоровое, но мама была категорически против, настаивая исключительно на инструменте.

– Надоело... – мрачно отозвалась я и, на всякий случай отправив преподавателю сообщение, что заболела, пошла восвояси.

В школу я тоже не ходила. До каникул оставалось несколько дней, все проверочные давно были написаны, а четвертные и годовые выставлены. Поэтому написала Лике, что заболела, и получила в ответ: «Блин. Поправляйся. Классухе скажу». Хорошо, когда есть настоящие друзья.

На третий день мама пришла с работы и положила на стол распечатки:

– Вот. Добилась.

Я лениво взглянула на них, гадая, куда в очередной раз мы пойдем окультуриваться. В глаза бросилось «Санкт-Петербург». Сердце остановилось, а потом заколотилось часто-часто.

– Это же...

– Билеты на поезд. Я сама не смогу, но договорилась с бабушкой, она поедет с тобой.

– Мама! – Я кинулась к ней и обняла. – Спасибо!

Я хотела добавить еще «Прости меня», но мама опередила:

– Жить будете у моей подруги, Брониславы Александровны. У нее как раз дочь в лагере. Настенька очень талантливая девочка, скрипачка.

– А... – только и протянула я, искренне жалея незнакомую девочку. Скрипка вообще представлялась мне каторгой. Мало того, что для нее нужно было иметь идеальный слух, так еще и играть стоя, скрючившись налево, а правой рукой водить смычком по струнам.

– Кстати, Настенька учится в музыкальной школе при консерватории, и Бронислава Александровна договорилась, что ты там пройдешь прослушивание.

– Что?! – охнула я. Порыв попросить прощения прошел. Да как мама могла так поступать со мной?!

– Ты же сама хотела в консерваторию, для этого надо серьезно готовиться, там конкурс огромный. Конечно, времени мало, но если поднапрячься...

– Мам, а что потом? Ну даже если я пройду прослушивание, мы же туда жить не поедем?

Мама пожала плечами:

– Сейчас много возможностей заниматься онлайн. Конечно, это дополнительная нагрузка, и придется отменить твоих лошадей, но, я смотрю, ты и сама уже охладела к ним.

– Мама... – Я хотела сказать, что никуда не поеду, но в последний момент передумала.

В конце концов, я окажусь в Петербурге, а это самое главное.

«Круто!» – отозвалась Лика, когда я написала о том, что еду.

«Да. Только мама хочет, чтобы я там поступала в музыкалку при консерватории».

Ряд злобных смайлов как нельзя точнее отражал мое состояние.

«Блин. Вы что, переедете туда?»

«Нет, мама не поедет. Буду учиться онлайн».

Зеленый смайл должен был показать, что меня просто тошнит от музыки.

«А как же твои лошади? Или ты все?»

«Не знаю... – Я задумалась, а потом решила: – Только никому!»

«Я – могила!»

«В Питере открыли конную школу и спортинтернат. Я подала заявку, и они мне приглашение прислали».

«ВАУ!!!»

Куча смайликов показывала, что подруга очень за меня рада.

«Мне теперь попасть туда надо, а я с бабушкой еду...»

«Да ладно, вырвешься на часик, она и не заметит».

– Оля, ты что, еще не спишь? – раздался недовольный мамин голос.

«Меня засекли. Завтра все расскажу», – быстро отстучала я, выключила смартфон и засунула его под подушку. Вовремя! Дверь скрипнула, и мама заглянула в комнату. Убедившись, что все в порядке, она, вместо того, чтобы выйти, подошла к кровати, погладила меня по голове и тихо вышла. Я едва сдержалась, чтобы не кинуться за ней и не рассказать все. В самый последний момент сдержалась. Еще неизвестно, сдам ли я вступительные испытания, так зачем заранее портить отношения и нарываться на неприятности? А так хотя бы побываю в другом городе.

Глава 4

На следующий день у меня не получилось все рассказать подруге – Лика заболела. По-настоящему, с очень высокой температурой. Она даже переписываться не могла, а навещать ее мне категорически запретили, чтобы не подхватить вирус.

Так что первые дни каникул я провела в одиночестве. Музыкалка тоже закончилась, хотя я продолжала играть под маминым надзором, чтобы не опозориться на прослушивании. Благо мама весь день работала, поэтому утренние гаммы, на которых она настаивала, я пропускала.

А через два дня мама принесла домой чемодан. Из серого пластика, на колесиках – казалось, он не принадлежал нашему миру.

– Вот. На работе одолжила. Аккуратнее с ним!

Я кивнула и стала внимательно рассматривать прищельца, сразу решив, что назову его Олегом. А что? Хорошее имя. Олег, Ольга... Почти родственные души.

– Привет, – прошептала я, поглаживая немного шершавый бок. Показалось, или чемодан скрипнул?..

– Оля, что стоишь? Вези его в комнату!

– Пойдем? – Я осторожно взялась за глянцевую ручку и потянула.

Мама лично собирала мне вещи. В основном платья, блузки, юбки. Было несколько кофт, ветровка и осенняя куртка.

– Мам, куда так много? – попыталась воспротивиться я, но она только покачала головой:

– Я тебя знаю, заляпаешься, или пуговица оторвется. Смотри и учись!

Мне оставалось только наблюдать, как нутро Олега наполняется совершенно ненужными вещами. Особенно бережно мама сложила концертное черное платье, в котором я должна была идти на прослушивание.

– Как приедешь, сразу развесь вещи, так они меньше помнутся! – напутствовала она. – И береги платье!

– Ага.

Дождавшись, пока сборы будут завершены, я достала смартфон и отстучала сообщение:

«Лик, ты как, поправилась?»

«Ну... мороженое мне еще нельзя. И гулять пока не выпускают. Только у дома посидеть». И грустный смайл, показывающий страдания подруги.

«А мне помочь?»

«Конечно!»

«Давай через полчаса выходи!» – Я спрятала смартфон и отправилась искать маму. Она оказалась на кухне, резала салат.

– Мам, я погуляю? – Я подцепила кусочек помидорки и отправила в рот.

– Оля, не смей хватать из-под ножа! И как же вещи?

– Так ты ж все собрала.

– Ничего не добавишь?

– Ну... может, это... – Я потянулась за любимой толстовкой, но мама сразу же ее отобрала.

– Оля, ты едешь в большой город, культурную столицу! Там не место джинсам и толстовкам!

– Ок, тогда ничего. Пока! – Я скрылась в туалете, прислушиваясь к каждому звуку в квартире. Мама захлопнула крышку чемодана, тяжело вздохнула и ушла в свою комнату. Я тихо прокралась обратно, запихала джинсы, толстовку и конные вещи в отдельный пакет и вышла.

Ли́ка сидела на нашей лавочке у подъезда. Нашей, конечно, лавочка не была, но мы всегда садились именно на нее, а вот старушки-соседки предпочитали ту, которая вечером была больше в тени.

– Ну что? – поинтересовалась подруга, когда мы, крепко обнявшись вместо приветствия, сели на лавочку. – Что за пакет?

– Ли́ка, выручай! Мама мне чемодан собрала... Юбки, платья, носочки под сандалики...

– Отстой, – посочувствовала подруга, совсем недавно получившая нагоняй от классной за то, что покрасила волосы в розовый цвет.

– Угу.

– А вынуть и положить нормальное, не?

– Она ж еще два раза проверит. Ты что, мою маму не знаешь?

– Точняк.

– Поэтому вот. – Я протянула ей пакет. – Привезешь к поезду, там уже никто ничего не скажет.

– Оки, – согласилась Ли́ка. – Ладно, пойду, а то меня пока еще не выпускают надолго.

Она ушла, а я сообразила, что так и не рассказала ей про развод родителей и подробнее про академию, куда хочу поступать. Но, может, и к лучшему...

Глава 5

На вокзал мы с мамой ехали вдвоем, она специально отпросилась с работы по этому поводу. Глядя на ее воодушевленное лицо, мне стало очень стыдно: она ведь искренне верила, что я, по ее мнению, взялась за ум и решила стать пианисткой.

Бабушка ждала нас на крыльце вокзала. Поджав губы, она неодобрительно посматривала на стоящих рядом ребят чуть постарше меня. Их было человек двадцать – по всей видимости, класс или спортивная команда. Они все громко смеялись, разговаривали.

– Ребята, ребята! – пыталась перекрыть их сопровождающая учительница, но они не обращали на нее внимания.

– Мама, привет. Давно стоишь? – Мама подошла к бабушке.

– Давно, конечно. Ты же знаешь, мне с дачи ехать по пробкам, пришлось выйти заранее.

– В это время пробок же нет.

– Вот я здесь давно и стою.

– А почему не позвонила? Мы бы тоже раньше приехали, – удивилась мама.

– Потому что мы договорились на определенное время! – отрезала бабушка и внимательно посмотрела на меня. – Оля, а ты чего ворон ловишь? Словно никогда на вокзале не была и на поездах не ездила!

Я не стала напоминать, что ездила я всего один раз, к морю, и то в далеком детстве, когда маме предложили через профсоюз путевки. Мы все вместе: я, она и папа... При воспоминаниях о папе на душе снова стало тяжело. Как они могли так поступить со мной? Ну ладно мама, но папа же говорил, что меня любит! Все-таки правильно, что я уеду от них в спортивный интернат и буду там жить одна! Я чуть не произнесла это вслух, но вовремя опомнилась. В конную академию надо еще попасть, сдать вступительные экзамены, или испытания, как они сами пишут, а с такими мамой и бабушкой, как у меня, сделать это крайне тяжело.

– Аня, я не понимаю, зачем тебе все это, – тем временем говорила бабушка маме, пока мы втроем, вернее, вчетвером, если считать Олега, которого я тащила за собой, шли к перрону. – Далась тебе эта музыка! Ну какая из Оли пианистка?! Она даже отчетный концерт в своей школе отыграть нормально не может! Два раза по нужным клавишам не попала! Ей бы вместо музыки математику подтянуть, и потом, как и ты, на бухгалтера отучится, вот себя и прокормит.

– Мама, Оля просто волновалась, у нее руки дрожали, – оправдывалась моя мама. – Соберется – сыграет лучше. И вообще, ты мне не дала учиться музыке, отправила в математическую школу, так хоть внучке не мешай!

– Музыка... У тебя отродясь слуха не было. А так специальность нормальная, бухгалтер. Прокормить себя можешь.

– Я эти цифры ненавижу.

– Но увольняться тоже не спешишь, – едко заметила бабушка.

Под дребезжание колес Олега мы вышли на перрон. Поезд еще не приехал, и пассажиры стояли, то и дело поглядывая на часы. Рядом с нами, к вящему неудовольствию бабушки, расположились те самые ребята, которых мы видели при входе. Только теперь учителей с ними было двое. Я с удивлением отметила двоих мальчишек, похожих друг на друга, как две капли воды. Близнецы! До этого близнецов я видела только в старом фильме про Электроника, который меня заставила посмотреть мама. Странная техника и алые косынки на шее у школьников вызвали у меня недоумение, и большую часть фильма мама объясняла мне, кто такие пионеры и что они делали в школе.

Заметив мой интерес, один из братьев весело подмигнул мне. Я смутилась и отвела взгляд, вцепившись в ручку Олега. Хорошо, когда рядом есть чемодан, готовый поддержать тебя!

Наконец вдалеке показался поезд. Ярко-красный локомотив почему-то напомнил мне старика с бородой. Он медленно полз к нам, шумно вздыхая.

– Стоянка всего две минуты. – Мама с тревогой посмотрела на толпу детей. – Неужели они все в наш вагон?

– Оля, иди сюда, что ты все головой вертишь?! – подхватила бабушка, придвигаясь ближе к краю перрона.

Я нехотя подошла к ней, все еще ища в толпе Лику. Подруги не было.

– Оля, стой спокойно, – одернула меня бабушка. Я вздохнула, снова посмотрела на неумолимо приближающийся поезд и пропустила тот момент, когда подруга показалась из подземного перехода.

– Теть Ань, здрасти! Ой, Наталья Пална, и вы здесь! – выпалила Лика, подбегая ко мне и суя в руку пакет. – Вот. Держи!

– Оля, что это? – насторожилась мама.

– Да так, у Лики знакомая в Питере живет, ей передать надо, – пробормотала я.

Подруга быстро закивала, смотря на мою маму совершенно честным взглядом. Возможно, мама и попыталась бы возразить, но как раз в эту минуту поезд остановился. Возникла суета. Кто-то куда-то бежал, рядом плакал малыш в панамке, напуганный грохотом и шумом, какая-то толстая женщина все кричала: «А это какой вагон? А?»

И весь этот шум перекрывало горластое: «Пирожки-и-и жареные!»

– Ну все, слушайся бабушку и постарайся сыграть хорошо. – Мама порывисто обняла меня и подтолкнула к ступеням вагона. – Давайте, а то не успеете.

Я послушно залезла, подхватила Олега, которого передала мне мама. Бабушку ждать не стала, прошла по проходу вдоль отсеков, не веря, что все-таки еду навстречу мечте.

– Оля, ты куда? Вот наши места! – окликнула меня бабушка. – Вечно вместо того, чтобы спросить, вперед лезешь!

Это прозвучало на весь вагон. Я крепко сжала зубы, чтобы не отвечать, развернулась и встретила взглядом с одним из близнецов, которых так пристально рассматривала на перроне. Он улыбнулся и посторонился, давая пройти.

– Толь, подвинься, – окликнул он брата, который как раз клал чемодан под боковую полку.

– Чего? – отозвался тот.

– Пройти надо.

– А... – Он тоже посмотрел на меня, а я с удивлением заметила, что братья, хоть и похожи, но все-таки совершенно разные: у первого глаза были светло-коричневые с вкраплением зеленого, а у второго, которого звали Толей, – серые, и улыбки у них были тоже разные.

– Оля, ну где ты там застряла? – раздался недовольный бабушкин голос.

Парень посторонился, я смущенно улыбнулась и побрела в обратную сторону.

– Так, положи чемодан под полку. – Бабушка развела бурную деятельность. – И давай свой пакет сюда, что там в нем?

– Ничего. – Я прижала заветный пакет к груди, с грустью смотря, как бабушка запихивает Олега под полку. – И вообще, это чужое!

– Оля, как ты со старшими разговариваешь?

Я только закатила глаза: а ведь это начало пути, и жить мне с бабушкой целую неделю! В очередной раз мне подумалось, что эта поездка бессмысленна – мне не удастся ускользнуть от бдительного ока родных. А если вдруг еще и пройду в музыкалку...

От этих мыслей меня прошиб холодный пот. Поезд тронулся. Я машинально помахала маме рукой и присела у столика. Больше в нашем отсеке никого не было – верхние полки, как и боковые, занимали те самые ребята из класса близнецов, и они предпочли уйти в соседний отсек к друзьям.

– Оля, ну что ты расселась как принцесса? – возмутилась бабушка. – Надо застелить постель.

Я только вздохнула и встала:

– Я... мне в туалет надо...

– Оля, пакет зачем? Пакет оставь!

Бабушка говорила громко, и остальные пассажиры уже начали посматривать на нее с осуждением, а на меня – с сочувствием. Особенно те самые ребята.

Покраснев от такого внимания, я пулей метнулась обратно, запихала злосчастный пакет в самый дальний угол, надежно придавив Олегом, и выскочила в тамбур.

Тут пахло мазутом и еще чем-то пластиковым, но было гораздо свежее, чем в переполненном плацкартном вагоне.

Выдохнув, я прислонилась лбом к стеклу, за которым мимо проносились березы. «Тук-тук, тук-тук» стучали колеса, вагон мерно покачивался, а снаружи начал накрапывать дождь. Говорят, что дождь в дороге – к счастью. Мне пока в это не верилось.

Телефон блякнул. Я достала его из кармана и проверила.

«Ну что, едешь?» – написала Лика.

«Да, ты чего так поздно пришла? Чуть не опоздала!»

«Специально. Чтоб не прикопались. И смотреть не начали. Твоя мама на обратном пути мне допрос устроила: что, да кому... Еле выкрутилась».

«Что ты сказала?»

«Гостинцы двоюродной сестре, она под Питером живет. На Валдае».

Я застонала: Лика никогда не была сильна в географии.

– Неприятности?

Я обернулась. Тот самый близнец, брат Толи, стоял за спиной.

– Да так, – буркнула я. – Подруга решила, что Валдай рядом с Питером.

Его глаза весело сверкнули:

– Относительно Камчатки – да, рядом, а так – часа три по платке.

– По платке?

– Ну трасса платная, М11. Там стал, круиз поставил и едешь.

– Круиз? – В голове мелькнул белоснежный лайнер. Интересно, зачем его ставить, еще и на «платку»?

– Круиз-контроль. Это когда скорость выставляешь, и машина сама ее держит. Мама так всегда ездит, – пояснил мой собеседник. – Недешево, конечно, зато быстро.

– А-а-а, – протянула я, отчаянно завидуя этому высокому темноволосому мальчишке, живущему в Питере и едущему на Валдай или в Москву по «платке».

– Меня, кстати, Витя зовут. – Он протянул руку.

– Оля. – Я осторожно пожала его ладонь.

– Ты в Питер на каникулы?

– Типа того, а ты?

– Мы там живем. – Он мотнул головой в сторону вагона, имея в виду не то брата, не то всех своих попутчиков.

– А у нас что делали?

– На шахматный турнир ездили. У нас с Толей разряд есть, вот и приходится подтверждать раз в полгода.

– Круто. – Мне вдруг захотелось хоть с кем-то поделиться своими проблемами. Тем более, Витя спортсмен, а значит, поймет. – Никому не скажешь?

– А кому я могу сказать? Только Толе, это мой брат.

– Да, я помню, – кивнула я и пояснила. – Ты его окликнул, когда меня пропускал.

– А ты наблюдательная, – заметил он, вставая рядом к окну. – Так о чем молчать надо?

– Ну я... Понимаешь, мама меня в Питер отправила, чтобы в музыкалку поступать... А я в конную школу хочу.

– В СДЮШОР?

– Куда?

– Олимпийского резерва которая. У вас что, нет такой?

– Есть, конечно, но я туда не успела. А в Питере новую открыли. Академия «Оседлать мечту».

– А-а-а, – как-то странно протянул собеседник, и я сникла, понимая, что сглупила. Ну какое дело этому мальчишке до лошадей?

– Вить, ты где застрял? – Толик выглянул в тамбур. – О, привет!

– Привет, – буркнула я. – И пока.

– Пока. – Мальчишка посторонился.

Я прошла в свой отсек. В вагоне было тихо. Только иногда раздавался сдавленный смех: ребята из группы Вити и Толи так и не разошлись. Остальные пассажиры кто спал, кто приглушенно разговаривал, а кто-то смотрел фильм. Бабушка уже лежала, надвинув на глаза маску для сна.

Услышав, что я зашла, она приподняла темную ткань и недовольно зыркнула:

– Оля, ты где ходишь? Спать пора!

Я послушно легла на свое место, но спать не стала и снова взяла телефон, предусмотрительно поставив на беззвучный режим. Интернета не было, и, покрутившись на жесткой полке, я все-таки заснула.

Глава 6

Приехали мы рано. Ожидая, пока поезд подползет к перрону, я с волнением смотрела в окно. Бесконечные бетонные заборы и рельсы вдруг сменились невысокими зданиями серого цвета, плотно стоящими друг к другу. А потом поезд въехал в тоннель. Во всяком случае, ощущение было именно такое.

– Ура, мы дома! – зашумели ребята из Вититолоиной группы. Я же крутила головой, пытаюсь рассмотреть хоть что-то.

Но из нашего окна был виден только соседний поезд, а в проходе уже толпились на выход пассажиры. Мимо нас прошли Толя и Витя. Оба кивнули мне, я махнула рукой на прощание, жалея, что не обменялись телефонами, – может быть, встретились бы в Питере.

Подождав, пока толпа схлынет, мы тоже покинули вагон, и я замерла, почувствовав себя словно попавшей в другой мир: ажурное железное кружево столбов, удерживающих навес над перроном, солнечные лучи, проникающие сквозь арочные окна по бокам, а впереди виднелось здание вокзала, напоминающее дворец.

– Оля! – Папа стоял неподалеку.

С секунду я смотрела на него, а потом кинулась в такие родные объятия:

– Папа!

– Здравствуй, Алексей. – Бабушка подошла к нам. – Все-таки приехал.

– Наталья Павловна, и вам не болеть, – откликнулся он. – Давайте вещи!

Он сразу подхватил бабушкину сумку и водрузил на моего Олега. Бабушка вздохнула, но промолчала. Было заметно, что она даже рада встрече и тому, что папа освободил ее от необходимости нести вещи.

– Пошли? – обратился ко мне папа. – Ты Витебский вокзал когда-нибудь видела?

– Не-а.

– Тогда через центральный пойдем.

– Может, в другой раз? – вмешалась бабушка. – Оля же с поезда, устала.

– Ничего я не устала! – возмутилась я. – Конечно будем смотреть!

Бабушка только вздохнула и покорно засеменяла за нами. Впрочем, она сама скоро забыла про усталость, восхищаясь лепными узорами стен, старинной плиткой пола и огромными окнами. Особый восторг вызвала чугунная винтовая лестница. Она хоть и была закрыта, но это даже лучше. Я сразу представила, как по ступеням спускаются дамы и кавалеры в костюмах позапрошлого века.

На Витебском вокзале я готова была провести весь день, но бабушка начала ворчать, и мы вышли наружу.

Я на секунду замерла в радостном изумлении: оказалось, что вокруг все здания точь-в-точь такие же, как и вокзал.

– Пап, оно все такое? – Я не переставая крутила головой. Я не слишком любила архитектуру, но здесь она была... Она была прекрасной.

– Конечно, это же Питер, детка, – подмигнул отец. – Пойдем в метро.

Метро тоже меня потрясло. Во-первых, мы долго ехали на эскалаторе, а во-вторых, сама станция оказалась очень красивой. Стены, облицованные мрамором, мозаичный пол и в конце памятник, за которым виднелось панно. Подойдя ближе, я узнала того, кто был изображен на памятнике, – Пушкин. Ну конечно, станция же «Пушкинская»! Я хотела спросить у папы, все ли станции такие, но слышался гул, лицо обдало теплым ветром, и из тоннеля выскочил поезд. Остановился, открыл дверь, выпуская и впуская пассажиров.

– Питерское метро очень красивое, надо тебя в нем покатать. – Папа покосился на недовольную бабушку, заговорщицки подмигнул и внес Олега в вагон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.